

ЛЕГЕНДАРНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ

1

Николай
Долгополов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Николай Михайлович Долгополов
Легендарные
разведчики. Книга 1
Серия «Жизнь замечательных
людей (Молодая гвардия)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67611266

Легендарные разведчики 1:

ISBN 978-5-235-04617-7

Аннотация

Герои этой книги – люди легендарные. Они составили славу советской и российской разведки. Некоторые из них во время Великой Отечественной войны боролись с фашизмом, действуя в тылу врага, другие выявляли угрозу безопасности нашему государству, работая в разных странах, на других континентах. Историк разведки Николай Долгополов представил в своей новой книге, подготовленной к 95-летию Службы внешней разведки России, целую плеяду разведчиков, защищавших нашу родину на дальних и ближних рубежах.

Содержание

От автора	5
Сильный духом	7
Герой с трагическим оттенком	47
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Николай Долгополов

Легендарные разведчики 1

*Посвящается моему отцу, фронтовому
корреспонденту Мihu – Михаилу Долгополову,
дошедшему до Берлина*

© Долгополов Н. М., 2021

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное
оформление, 2021

От автора

О деятельности наших спецслужб во время Великой Отечественной войны известно много, но далеко не всё. Много, потому что круг известных имен и совершенных подвигов очерчен довольно широко и точно. Не всё, потому что значительная часть разведопераций остается под грифом «секретно». С некоторых дел завеса секретности снята не до конца, она лишь приподнята, хотя и довольно значительно.

Поэтому рассказать об участии разведчика в том или ином деле во всех подробностях, написать его биографию в классическом, привычном понимании фактически не представляется возможным. В описании всегда будут оставаться белые пятна. Иногда они побуждают автора строить догадки, высказывать предположения, выдвигать версии, выдавая их за истину, которая, увы, чаще всего оказывается домислом.

Могу поручиться, уважаемые читатели, что такого в моей книге вы не найдете. Возможно, некоторые факты вам уже известны. Но они уточнены, проверены. И, главное, во многом дополнены благодаря помощи сотрудников разведки. При содействии пресс-бюро Службы внешней разведки России мне удалось встретиться со многими выдающимися советскими, российскими разведчиками, которые на излете своей жизни были со мной вполне откровенны, хотя и в пределах им дозволенного. Много нового, сугубо личного по-

ведали дети героев. Интересными воспоминаниями поделились со мной ученики, последователи, преемники тех, кто, рискуя жизнью, защищал нашу Родину от недругов за линией фронта и в годы Великой Отечественной, и во время холодной войны.

Большинство героев моей книги уже ушли из жизни. Только двое из них – полковник Службы внешней разведки Джордж Блейк и многолетний командир нелегалов генерал-майор Юрий Дроздов ныне здравствуют. Оба участника войны перешагнули девяностолетний рубеж. И оба еще при славной и героической своей жизни стали легендами советской разведки. Так что рассказы о них в молодогвардейской серии «ЖЗЛ» видятся мне абсолютно логичными.

Сильный духом

Дмитрий Медведев

О знаменитом партизанском командире, Герое Советского Союза, кавалере четырех орденов Ленина Дмитриии Николаевиче Медведеве известно, что он родился в 1898 году. А на самом деле – в 1899-м: прибавил год, чтобы в 1918-м его, секретаря приемной Брянского совета, взяли в Красную армию.

В ВЧК – с 1920 года, а по свидетельству близких и соседей, он пришел в Брянскую ЧК еще раньше и не писарем: мальчишкой ловил бандитов, гоняясь за ними по всей губернии. Работал в разных городах страны, а в 1936 году был направлен на работу в ИНО (Иностранный отдел). По некоторым данным, два года находился за границей.

Справедливый и бескорыстный, Медведев не признавал липовых дел, за что оказался в опале и был уволен из органов. Во время войны он стал одним из организаторов и идеологов партизанского движения. Дважды его отряды «Митя» (сентябрь 1941-го – январь 1942-го) и «Победители» (июнь 1942-го – март 1944-го) успешно били врага на временно оккупированных территориях. Это у него в «Победителях» действовали легендарный разведчик Николай Кузнецов и будущий нелегал, а тогда радистка «Маша» – испан-

ка Африка де Лас Эрас. Полковник-чекист Медведев овеян славой, на него призывали равняться. Еще при жизни он стал легендой. И в то же время он – человек, перенесший опалу, ссылку, казнь одного брата и смерть другого, сгинувшего в ГУЛАГе, увольнение из органов. А после войны Героя отправили в отставку «по состоянию здоровья».

Медведев написал прекрасные книги о своих соратниках-партизанах и чекистах: «Сильные духом» и «Это было под Ровно». В советское время эти книги издавались миллионными тиражами, они были известны каждому школьнику. Но не всем по душе была честность Медведева. На Западной Украине недруги развязали кампанию травли, докатившуюся и до столицы.

Дмитрий Николаевич Медведев умер в 55 лет от сердечного приступа.

О неизвестных страницах его яркой судьбы мне рассказали историк спецслужб, писатель Теодор Кириллович Гладков, а затем и сын Медведева – Виктор Дмитриевич. Это глава написана во многом благодаря им.

Работая над темой «разведка и партизанское движение», я пришел к выводу: среди всенародно воспетых героев-партизан едва ли не большинство – кадровые сотрудники разведки.

Хотя перед началом Великой Отечественной задача создания постоянных и управляемых из единого центра очагов сопротивления в качестве стратегической даже не рассмат-

ривалась – ведь было ясно, что врага будем бить на его территории, да еще и малой кровью. С этим сталинским постулатом никто не спорил.

Правда, 27 апреля 1941 года генерал Райхман и начальник 1-го немецкого отдела Тимофеев составили докладную записку на имя Сталина с предложением на случай войны и временной оккупации заранее создавать в западных областях страны разведывательно-диверсионные группы. Записку передали руководителю контрразведки П. В. Федотову, и старый опытный работник ЧК доложил о ней по инстанции наркому ГБ В. Н. Меркулову. Но тот записку не подписал.

Смутное понимание, что в грядущей войне может случиться всякое, пришло лишь за несколько дней до ее начала. Павел Анатольевич Судоплатов, справедливо считающийся главным организатором партизанского движения, вспоминал, что указание комиссара государственной безопасности, заместителя председателя Совнаркома СССР Л. П. Берии о создании Особой группы было получено 17-го, а может, и 18 июня 1941 года.

И Судоплатов проявил мудрость. Понял, что как раз этой группе, как бы ее ни называли, придется заниматься не только предотвращением и пресечением провокаций на границе, о которых столько говорилось и поддаваться на которые строго запрещалось, но и разведывательной и диверсионной работой в тылах фашистов, если они осмелятся напасть на СССР. Это при том, что даже теоретически предполагать,

будто Гитлер может нарушить пакт и напасть на СССР, было запрещено. Похожих запретных тем накануне Великой Отечественной в Красной армии и советской военной науке существовало немало.

Однако еще в начале 1930-х годов существовал план «глубокой операции», согласно которому в тылу наступавшего противника должны были проводиться разведывательные действия, поддерживаемые постоянными диверсионными вылазками. «Глубокая операция» была обкатана во время маневров Красной армии и доказала свою эффективность.

Тогда же, в 1930-х, в приграничных регионах тайно готовились на случай вторжения врага – любого – партизанские отряды. Составлялись они в режиме секретности из идеологических активистов – членов партии и комсомольцев... Для отрядов закладывались подальше от границы тайные склады оружия. Командирами назначались не просто опытные, а сугубо профессиональные чекисты. Даже сборы не часто, но проводились.

Однако тактику ведения боевых действий на своей пусть и временно захваченной противником территории признали ошибочной, идеологически порочной, расслабляющей советский народ. Официальная военная доктрина подобного не допускала. Представление о начальном периоде войны было неоправданно оптимистичным. Оборона рассматривалась как исключительно краткосрочный фактор. Ее цель – проведение мобилизационных действий. Основой военной

доктрины был боевой наступательный дух. Стратегия предусматривала переход в наступление моментально после отражения первых атак противника и ведение войны на его территории. Так что какие партизанские отряды, да еще и действующие в связке с дисциплинированной агентурой?

Мало кто знает, что в Белоруссии с 1930 по 1936 год будущие партизаны прошли отличную подготовку. Многие из них применили приобретенные навыки уже в первый год Великой Отечественной войны. Один из организаторов партизанского движения, наставник Зои Космодемьянской, полковник Артур Спрогис писал в своих мемуарах: «Мы осваивали методы партизанской борьбы, работали над созданием партизанской техники, обучали будущих партизан минно-подрывному делу... Все, чему мы научились в мирное время, оказало неоценимую помощь нам в борьбе с немецкими оккупантами».

Планы заброски партизанских отрядов в приграничные западные районы страны изучил, а затем и одобрил нарком Климент Ефремович Ворошилов. Но изменилась политическая конъюнктура, взяла вверх точка зрения Сталина, что воевать предстоит с Англией, и осторожный, послушный Ворошилов возражать не посмел. Наверное, поэтому и установил рекорд пребывания в Политбюро и Президиуме ЦК компартии – 34 с половиной года.

И летом 1939-го, накануне Второй мировой войны партизанские отряды по-тихому распустили, приказав о них за-

быть. Закладки оружия и боеприпасов изъяли.

Еще одна важная страница партизанского движения – Западная Украина. Считается, что Бандера и всякая нечисть особо лютовали в разгар войны, при отходе немцев и после ее окончания. На самом деле серьезный урон отступающей Красной армии члены Организации украинских националистов (ОУН) нанесли именно в конце июня 1941 года. После распада СССР появились публикации о том, что после предвоенного присоединения Западной Украины к Советскому Союзу несогласных с советской властью подвергали репрессиям и даже расстреливали. Но не поднимался вопрос: как фашисты сумели еще до 22 июня 1941-го вооружить около 20–25 тысяч местных жителей-западенцев, ненавидевших Россию? Они убивали отступающих красноармейцев, захватывали, в частности, во Львовской и Тернопольской областях стратегические объекты и населенные пункты, городки и города.

Заместитель Судоплатова Наум Эйтингон, прошедший школу гражданской войны в Испании, за несколько дней до 22 июня сопоставил некие испанские события с теми, что назревали на наших границах. У воевавших в Испании интернациональных бригад были свои диверсионные отряды, действовавшие в тылу франкистов. Красная же армия не часто, но довольно успешно использовала разведывательно-диверсионные группы в неудачную для нас Финскую кампанию.

Но кто мог объединить усилия НКВД, военной разведки, Коминтерна и еще многих других ведомств и организаций по созданию управляемых из Москвы формирований, способных вести партизанскую войну на гипотетически захваченной территории СССР?

Эйтингон нашел общий язык с военными, и уже 21 июня Берия рассматривал предложение Судоплатова о создании особого боевого резерва приблизительно в 1200 всесторонне подготовленных бойцов, сочетавших в себе качества разведчиков и диверсантов. Но времени на создание такого отряда не хватило.

Именно в ночь с 21-го на 22 июня 1941-го немцы начали забрасывать в советские тылы диверсантов порой на расстоянии в 200–300 километров. О нанесенном ими уроне вспоминать не хочется. Он был очень большим.

Но всё равно 5 июля 1941 года в НКВД была сформирована Особая группа для выполнения специальных заданий на временно оккупированной территории. К середине июля к таковым уже относились Белоруссия, Литва, Латвия, Эстония, Западная Украина. А 18 июля 1941 года вышло постановление ЦК партии «Об организации борьбы в тылу германских войск». Группа подчинялась непосредственно народному комиссару государственной безопасности Берии.

Начальником Особой группы был назначен «товарищ Андрей» – он же Павел Судоплатов, его первым заместителем – Леонид (Наум) Эйтингон. В группу входили опытные

чекисты, будущие Герои Советского Союза Станислав Ваупшасов, Кирилл Орловский, Николай Прокопюк, несколько пограничников, студентов Московского института физкультуры, а также спортсменов-динамовцев. До войны имена боксеров Николая Королева и Сергея Щербакова, штангиста Николая Шатова, бегунов Серафима и Георгия Знаменских, конькобежца Анатолия Капчинского, борца Григория Пыльнова знала вся страна. Николай Королев стал адъютантом Медведева в первом партизанском отряде, а Георгий Знаменский врачевал во время операции «Березино» будущую легенду советской разведки Вильяма Фишера, он же Рудольф Абель. Фишер с гордостью рассказывал жене и дочке, что нарыв на шее ему вскрывал сам рекордсмен и чемпион СССР в беге на стайерские дистанции.

Слушатели школ НКВД, моментально приданные Особой группе, составили Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения – ОМСБОН – и спецотряд при ней. Именно сотрудники госбезопасности и органов внутренних дел были направлены в захваченные районы для создания, как писалось в директивах партии, «невыносимых условий для врага и всех его пособников». На первых порах не обошлось без ошибок, когда партизанами становились только сотрудники НКВД или партийные активисты. Но тяжелейшая военная обстановка диктовала свое, и вскоре в первые полтора десятка почти чисто чекистских отрядов стали вливаться бойцы, выходившие из окружения или бежавшие из плена, а также

местные жители, уже испытывавшие ужасы фашистской оккупации.

Всей чекистской, подчеркиваю, чекистской машиной партизанской и диверсионной работы на временно оккупированных территориях руководили Павел Судоплатов и созданный в мае 1942 года для координации действий всех партизанских отрядов Центральный штаб партизанского движения во главе с бывшим секретарем ЦК компартии Белоруссии Пантелеймоном Пономаренко.

Во время войны партизанских отрядов было более шести тысяч плюс 300 партизанских соединений, в которых сражались более миллиона человек. Вначале большинство отрядов действовали стихийно, и кого только в них не было, но катастрофически не хватало обученных командиров и бойцов. Большие надежды возлагались на оставленные в городах подпольные райкомы и обкомы... Но одной лишь идеологией врага было не одолеть. Да и опыта подпольной работы и партизанской борьбы у партийных секретарей еще не было. К тому же они были хорошо известны местному населению, поэтому их в первую очередь выдавали предатели. Случалось, они попадались в руки врагу, имея при себе списки подпольщиков.

Органы безопасности, истерзанные чистками, начавшимися с наркома Ягоды, тоже испытывали нехватку профессионалов. НКВД, ИНО, или, по-теперешнему, внешняя разведка, понесли огромные потери. Сошлюсь на данные, при-

веденные в книге писателя Александра Бондаренко «Фитин»: «За два года его [Ягоды] “правления” – с июля 1934-го по сентябрь 1936 года – из ОГПУ было уволено порядка 8100 человек, заподозренных “в нелояльности” к вождю и проводимой им политике. Хотя, заметим, настоящих репрессий, особенно в отношении руководящего состава, пока еще не было».

На смену карьеристу Ягоде пришел патологический палач Ежов. 18 марта на собрании руководства органов безопасности он безапелляционно заявил, что «шпионы» заняли в НКВД руководящие посты. И даже Дзержинского обвинил в «колебаниях в 1925–1926 годах». Это означало, что вскоре удар будет нанесен по сподвижникам основателя ВЧК, занимавшим руководящие посты, и их окружению.

В результате так называемых «чисток» в 1937–1938 годах, пишет исследователь Д. Прохоров, из 450 сотрудников внешней разведки (включая загранаппарат) были репрессированы 275 человек, то есть более половины личного состава. В 1938 году в органы были призваны около восьмисот коммунистов и комсомольцев, преимущественно людей с высшим образованием, попробовавших силы на руководящих должностях. Времени на учебу им давалось мало – всего полгода, затем они отправлялись на оперативную работу. Понятно, что никакие способности и энтузиазм не могли компенсировать отсутствие опыта. Вот так и встретили войну.

Понимая, что иного выхода, как вернуть еще оставшиеся старые кадры, нет, Судоплатов (иногда говорят, что вместе с другом, соратником и своим заместителем Эйтингоном) обратился к Берии с ходатайством освободить из тюрем и лагерей содержащихся в них чекистов.

Берия понял все и сразу. Виновны люди – не виновны, даже не спрашивал. Наверняка знал ответ. Поинтересовался лишь, уверен ли Судоплатов, что они нужны в создавшейся обстановке. Цинично и в стиле Берии. Услышав: «уверен», приказал освободить и без промедления использовать.

Якова Серебрянского, о котором мы в этой книге еще расскажем, привезли к Судоплатову прямо с Лубянки: уже в начале войны он был приговорен к расстрелу, но приговор в исполнение привести не успели. В августе его амнистировали, как и еще двух чекистов Каминского и Зубова. Увы, в живых осталось не так много людей, как рассчитывали.

Оказались востребованными и уволенные из органов. По некоторым данным, о назначении опального Вильяма Фишера (Абеля) на должность начальника отдела радиосвязи Особой группы ходатайствовал Серебрянский. По моим сведениям – сам Судоплатов не забыл лучшего радиста внешней разведки, вышвырнутого за порог Лубянки за знакомство с резидентом-невозвращенцем Орловым. Сразу же к Вильяму Генриховичу присоединился его друг, тоже классный радист (и диверсант) Рудольф Абель, имя которого взял после ареста в Соединенных Штатах Вильям Фишер. Этого, настоя-

щего, Абеля отлучили от Службы из-за брата – старого большевика, расстрелянного Сталиным. Вернулся в строй чекист Лукин – в недалеком будущем комиссар отряда «Победители», где и суждено было воевать Николаю Кузнецову.

Не давал забыть о себе герой нашего повествования Дмитрий Медведев. Отправленный в отставку по состоянию здоровья, он с ноября 1939 года жил на даче в подмосковном Томилине. 22 июня 1941 года Медведев написал письмо тогда еще наркому Меркулову:

«В ноябре 1939 года, после 20 лет оперработы в ВЧК-ГПУ-НКВД, я был из органов уволен. В первые же дни войны как с польскими панами, так и с финской белогвардейщиной я обращался к Вам с полной готовностью на любую работу, на любой подвиг. Теперь, осознавая свой долг перед Родиной, я снова беспокою Вас, товарищ народный комиссар, своим непреодолимым желанием отдать все свои силы, всего себя на борьбу с фашизмом.

Жду Вашего приказа.

Медведев, почетный работник ВЧК».

А 24 июня Медведев направил письма Берии и Судоплатову. Предлагал, взывал: вспомните Великую Отечественную 1812 года и ее партизанского героя Дениса Давыдова. Пора начинать и нам, потому что оккупация западной части СССР, и довольно длительная, неизбежна. Медведев написал это, понимая, что его, опального, могли обвинить в пораженческих настроениях. Он предлагал как можно скорее

послать в тыл врага спецгруппу, основу которой должны составлять чекисты.

Свое послание Медведев передал Судоплатову через своего давнего товарища Петра Петровича Тимофеева. За Медведевым приехали на следующий день прямо на дачу. Доставили на Лубянку, вернули в органы и позволили воплотить свои идеи на практике. Приказали подобрать людей, сформировать чекистский партизанский отряд, которому присвоили не требующее расшифровки название «Митя». Отряд, в котором было поначалу 33 человека, действовал на Брянщине, родине Медведева, а затем в Белоруссии.

Летом 1942 года пришла пора отправляться в фашистский тыл второму отряду под командованием Медведева – «Победители», организованному по системе Четвертого управления НКВД. В немецкий тыл обычно засылалось от 20 до 100 человек. Обязательно крепкое чекистское ядро: разведчики, контрразведчики, пограничники плюс строевые командиры, потому что надо было участвовать и в боевых действиях. Со временем такие отряды разрастались.

Когда в августе 1942 года отряд Медведева забросили на Западную Украину, в Цуманские леса под Ровно, в нем было 70 человек, потом – около тысячи. Настоящее, а для Москвы кодовое, название отряда «Победители» звучало для обычного уха сложновато: «Разведывательно-диверсионная резидентура РДР 4/190».

Были для партизанских действий и места более благопри-

ятные. Но выбрали Ровно. Немцы превратили город в столицу оккупированной Украины. Одних штабов всякого рода там набралось около семидесяти. Настоящий гадюшник, а для разведки – вожденная цель.

Боевые действия в функции отряда не входили. Медведев избегал их как мог. Но воевать приходилось. Люди-то присоединились к нему, чтобы сражаться, а подлинные задачи командиру надо было скрывать. В ходе самообороны трепали немцев жестоко, потом меняли дислокацию. Главное же – забрасывали в Ровно, в другие городки своих, вербовали, уничтожали фашистских главарей.

Дмитрий Николаевич Медведев оказался наиболее удачливым, лучше всех остальных подготовленным партизанским командиром. Именно поэтому он оставил о себе такую память.

Безусловно, сказался опыт работы в Чрезвычайной комиссии, но не меньшее значение имели и личные способности этого человека.

Еще в молодости Медведеву поручали самые сложные операции. Однажды молодой уполномоченный поймал польского разведчика по весьма туманной ориентировке, присланной из Москвы. Указывалось, что поляк проследует в ближайшие дни через Брянск на поезде. Ни время, ни номер пассажирского поезда не были известны, внешность шпиона описывалась весьма приблизительно.

Медведева это не смутило. Представив себя на месте по-

ляка, он по наитию сел в наиболее подходящий поезд. Спокойно прошелся по вагонам и безошибочно попросил предъявить документы не одного, а двух сидевших рядом пассажиров. Чутье не подвело. Когда начальник спросил Медведева, чем же привлекла внимание эта с виду не подозрительная шпионская парочка, тот ответил: «Сидели не так... Не по-нашему. У нас так не сидят. А эти, пусть одеты, словно всю жизнь в Брянске, а расселись – ну, прямо хозяева, и ослаблены, и спокойны. Всё для них на тарелочке».

Конечно, Медведев совершал и ошибки. На первых порах иногда срывался на допросах. Человека искреннего, честного, его коробила явная ложь, стремление уйти от ответа. Однажды он наорал на бывшего офицера Стеблова, добровольно вступившего в Красную армию. Вызывал тот какие-то смутные подозрения. Чувал уполномоченный Особого отдела Медведев, что как-то связан Стеблов с подпольной организацией и, быть может, через него происходит утечка секретных сведений. Но Стеблов держался нагло, уверенно, и Медведев не выдержал, перешел на крик. Бывший офицер пообещал пожаловаться: какое право имеет молодой чекист повышать голос на красного командира. И пожаловался.

Доказательств вины Стеблова Медведев не имел, а вот чувство, что его пытаются обмануть, оставалось. Медведев пересмотрел десятки дел, связанных с возможными сообщниками Стеблова. И натолкнулся на мелочь, на поначалу не замеченную детальку: один из задержанных показал, что

кто-то из главных руководителей организации то ли прихрамывает, то ли тянет ногу. Митя быстро припомнил: Стеблов слегка припадает на раненую ногу. За Стебловым установили наблюдение и выяснили, кажется, никак не связанную со следствием подробность. Он частенько наведывается к машинистке штаба Куракиной. Именно она печатает секретные материалы расквартированной в городе бригады. По настоянию Медведева в доме машинистки произвели негласный обыск. И отыскали фото еще 1916 года, на котором Куракина запечатлена в свадебном наряде в обнимку со Стебловым. Нашли в доме документ. Оказалось: Стеблов – муж Куракиной, и фамилия его такая же. Жена передавала супругу копии секретных документов. После ареста оба сознались, и подпольная антисоветская организация, которой руководил Стеблов-Куракин, была разоблачена.

Медведев же вскоре был отправлен на Донбасс на усиление. Стране требовался уголь, а его расхищали нещадно. Бандиты совершали набеги на шахтерские города, убивали всех, кто решался спуститься в забой. Чекисты преследовали бандитов. Доходило до ближнего боя, до рубки. От одного из отрядов, посланного на борьбу с бандой атамана Каменюка, осталось всего пять человек, остальные – погибли.

И тогда Медведев внедрил в банду своего человека по фамилии Басня. По подсказке этого осторожного, но бесстрашного агента части особого назначения (ЧОН) начали трепать Каменюка. Тот терял людей и поддержку, уходил всё даль-

ше от больших поселений, ускользая от чоновцев. Однажды Медведев смог заманить атамана в ловушку. Бой шел кровавый. Медведев вызвал на подмогу части Красной армии. А его сотрудники закрыли все возможные отходы. Атаман Каменюк был убит, банда разгромлена.

Орденами в те времена отмечали редко. Но за эту операцию Дмитрий Медведев приказом ВУЧК по представлению Донгубчека был награжден золотыми часами.

А спустя годы его заслуги были отмечены именным маузером и серебряным портсигаром.

Дмитрий Медведев получил назначение в Одессу, где его утвердили начальником отдела. И там с ним произошла забавная история. Только-только прибыл в город, еще никому неизвестен, а через пару дней заместитель Медведева прибежал к нему в панике:

– Ваш портрет метр на метр висит в фотоателье на Дерибасовской.

Оказалось, снял его уличный фотограф просто так, когда шелкал сотни прохожих. Проявил пленку и увидел: мужчина – ну прямо киногерой. И вывесил на витрину как заставку: вот какие у нас снимаются. Фото пришлось убрать.

После четырех с лишним лет службы в Одессе Медведев был переведен в Крым. Там он прославился тем, что раскрыл мощную контрреволюционную организацию, готовившую мятеж. В нее входили белогвардейские офицеры, кулаки и даже уголовники. Для покупки оружия заговорщикам

нужны были деньги, и они совершили несколько крупных ограблений.

Чекисты узнали, что в Крыму ждут эмиссара из-за кордона. Внешность у сына сталевара Медведева была аристократическая, выправка – гвардейская, в Херсоне его еще не знали. Этим и воспользовались. Роль посланца Русского общевойскового союза, прибывшего из самого города Парижа, Медведев сыграл безукоризненно. В течение месяца проехался по всем отделениям организации, не вызвав никаких подозрений. «Эмиссар» настаивал на встрече со всеми руководителями движения. Переговоры шли долго. Заговорщики осторожничали, но «эмиссар» уперся: он рискует жизнью не для того, чтобы встречаться с командирами разрозненных отрядов.

В результате на отдаленном хуторе собрались все зачинщики восстания. А рядом уже готовился взять с боем заговорщиков отряд Красной армии. Но Дмитрий Николаевич избежал ненужных жертв. Вошел в помещение с пистолетом в руках и громко скомандовал: «Бросай оружие, вы окружены!» В результате операции «Возрождение Таврии» было арестовано больше двухсот человек.

В начале 1930-х на Украине, да и не только там появились первые липачи. Так называли тех, кто «шил» липовые дела, стараясь засадить, тогда еще не расстрелять, кого и за что попало. Липачи, переведенные Ягодой в Москву, Медведева ненавидели. Давил он их, как только мог. Что в скором бу-

душем ему и припомнили.

У вечно занятого борьбой с врагами Дмитрия Николаевича находилось время и на дела иного рода. Во времена страшного голода на Украине чекисты во главе с Медведевым создали за свой счет коммуну для беспризорных ребятишек. Собирали деньги, отдавали продукты из собственных пайков. Жены перешивали одежду, собирали еду в общий котел, отрывая от себя, от семьи, и готовили бесплатные обеды для пухнувших с голода. Даже с благотворительными концертами чекисты выступали. Устроили и лотерею с немедленной выдачей выигрышей. Медведев пожертвовал в качестве главного приза небывалую по тем годам ценность – свои новые хромовые сапоги. И при всем при том каким-то чудом выкраивал время, чтобы вместе с молодыми сослуживцами заниматься спортом. Надо ли говорить, за какую команду болел Медведев. Он не только стал организатором нескольких динамовских, как тогда говорили, ячеек. Сам участвовал в соревнованиях на первенство «Динамо», особенно в лыжных. Иногда проигрывал, но всегда боролся до конца. И еще писал о спортивных состязаниях статьи в газеты.

Да, такого разностороннего человека было за что ценить и отмечать наградами. В 1932-м начальник отдела ГПУ города Киева Дмитрий Николаевич Медведев одним из первых на Украине получил звание «Почетный чекист».

В 1933-м пришлось ему схлестнуться в Новоград-Волын-

ском отделе ГПУ с Организацией украинских националистов – ОУН. Создали ее в 1929 году в зарубежье. Была она особо сильна во Львове и Ровно. Несмотря на сразу начавшееся противостояние между двумя претендентами на лидерство – «Серым», под этой кличкой проходил у немецких спецслужб молодой Степан Бандера, и «Консулом-1» – такой псевдоним присвоили в Берлине старому и битому-перебитому бандиту Андрею Мельнику, бороться с ними чекистам было трудно.

И Медведев избрал свой излюбленный метод. Использовал местное население, старался наладить отношения с народом, еще не одурманенным национализмом. Понял, что одними чекистскими силами оуновцев не одолеть, и в нужные моменты призывал на помощь расквартированную в здешних беспокойных краях кавалерийскую дивизию Красной армии. Раньше многих других Медведев осознал, что оуновцы – серьезный противник, имеющий поддержку и на Западной Украине, и у зарубежных разведок. Щедрее всего подкармливала ОУН гитлеровская Германия. Медведев понимал почему: совпадала расистская идеология. Теория превосходства собственной расы над другими тешила и Гитлера, и Бандеру с Мельником.

В дни войны отряд «Победители» помогал тем, кто по теории фашистов и бандеровцев не имел права на жизнь и уничтожался чаще всего штыками, именно штыками, даже не пулями украинских националистов. Медведев, избе-

гая проведения боевых операций, спасал сотни евреев, которые скрывались в лесах от оккупантов и их прислужников. Как всегда, он действовал нестандартно. Организовывал походные семейные лагеря на 150–200 женщин, детей, стариков, прятавшихся от геноцида. Его партизаны привозили туда продовольствие и одежду. А если требовалось, выставляли боевое охранение.

Когда обстановка под Ровно усложнилась, Медведев организовал переброску спасенных на территорию Белоруссии. Там партизанское движение было мощным, а связь с Большой землей устойчивее. По инициативе Дмитрия Николаевича с партизанских аэродромов в Москву отправлялись вызволенные из гетто дети. В России, в Израиле, во многих странах живут сотни людей, вырванных Медведевым и его бойцами из рук бандеровцев и гитлеровцев.

Но мы несколько забежали вперед.

После Новограда-Волынского Медведева ждала учеба в Москве на курсах руководящего состава НКВД. На первый взгляд – поощрение. Но вдруг в 1936-м началась травля. Брата Александра, члена партии с 1912 года и одного из первых в стране чекистов, посчитали «оппозиционером». Он погиб в сталинской мясорубке. А Медведева обвинили в недостаточной твердости по отношению к «врагам народа». Припомнили и его требования прекратить липовые дела. Заслуги в расчет не брали.

Но было в характере Дмитрия Николаевича нечто, до-

вольно точно подмеченное чекистскими кадровиками: «Характер мягкий, но строптивый». В марте 1938-го помощник начальника управления НКВД Харькова (тогдашней украинской столицы) Дмитрий Медведев самовольно приехал в Москву. Написал письмо самому товарищу Сталину, а копию его послал наркому Ежову: «Сижу в центральном зале Курского вокзала у бюста товарища Сталина и прошу за мною приехать. Если меня не примете, объявляю смертельную голодовку». В НКВД поднялся переполох. «Почетный чекист» имел право носить оружие и сам, без особого пропуска, мог входить в любое помещение органов, кроме тюрьмы. А вдруг окажет сопротивление и станет стрелять?

Короче, за Медведевым приехали и разобрались. Был он капитаном госбезопасности – чин, равный армейскому полковничьему. Решили не сажать. Даже оставили в партии и в НКВД. Но не в Главном управлении госбезопасности. За строптивость Медведева перевели в ГУЛАГ.

Сначала его направили на строительство Беломорско-Балтийского канала в Медвежьегорск. Работы там хватало. Год пролетел быстро, хотя и в тяжелых раздумьях. А однажды случился с Дмитрием Николаевичем и казус. Отправился он на охоту и заблудился. Почти трое суток плутал по тайге. А на службе поднялся переполох: исчез, вдруг сбежал... Медведева уже принялись искать, когда он вышел к поселку. Всё обошлось, только отморозил ухо и с тех пор незаметно старался подсаживаться к собеседнику справа.

Затем Медведева перебросили в Норильск. По существу, это была та же ссылка. Но Медведеву повезло. Огромный комбинат возводил его старый товарищ, командовал всей гигантской стройкой. Поселил он Медведева в условия относительно сносные.

И здесь опальный «Почетный чекист» вновь проявил строптивость. Заключение, отбывших свой срок, освобождать было не принято. Им обязательно «припаивали» второй срок. А Медведев людей стал освобождать. И разразился скандал.

Осенью 1939 года Дмитрия Николаевича вызвали в Москву в наркомат. И там сообщили: уволен из органов «за допущение массового необоснованного прекращения следственных дел». Но поднимать шум не решились, и в официально-парадной биографии героя долго значилось стандартное: «Уволен по состоянию здоровья». Медведеву был тогда 41 год, а выслуга лет с учетом войн – 42 года.

Накопленных за десятилетия службы денег Медведеву хватило на покупку маленькой дачи в Подмоскowie, где он со своей второй женой и обитал до 24 июня 1941-го.

Парадокс, но война спасла его от новых крупных неприятностей. Чекист-пенсионер встал на партийный учет в Люберцах, где его сделали лектором. И со свойственной прямо-той на одной из лекций рубанул: пакт с Германией вот-вот рухнет, надо готовиться к войне. Донос последовал немедленно. Медведева заставили писать объяснительную запис-

ку. Бюро райкома приняло дело коммуниста Медведева на рассмотрение. Решение райкомовцев обещало быть скорым и суровым.

И вот разразилась война. В отряде «Митя» Медведев объединил специфическую чекистскую работу с массовым партизанским движением. Но для этого Дмитрию Николаевичу пришлось опять рискнуть. По воле Иосифа Сталина все военнопленные считались изменниками Родины. А Медведев брал к себе бежавших из лагерей и окруженцев.

«Вам забросят агентов гестапо», – стращали его большие начальники. «На то мы и чекисты, чтобы разобраться», – отвечал командир. И действительно раскрывал агентов. А военнопленных не отталкивал, и те его не подводили. Начинали с Медведевым партизанить 33 человека, вернулись 330, да еще несколько отделившихся от «Мити» отрядов остались за линией фронта.

Не боялся Медведев использовать и местных жителей, которые по каким-то причинам оказались сотрудниками оккупационных учреждений. Всех их поголовно тогда считали предателями.

В разведку он отправлял не только опытных профессионалов. Местные подростки, старики, девушки на железнодорожных станциях, в маленьких городках, где стояли немецкие гарнизоны, вызывали меньше подозрений, чем мужчины призывного возраста, а сведения оттуда приносили в отряд ценнейшие.

Очень скоро пришло понимание, что украинских националистов надо опасаться даже больше, чем солдат вермахта. Немцев, с нашими обычаями незнакомых, иногда можно было обмануть, провести. С бандеровцами это не проходило. Да они и не пытались разобраться, кто попался им под руку. Убивали при малейшем подозрении и просто так. Жестокость проявляли нечеловеческую.

Обо всём этом Дмитрий Николаевич написал потом в книге «Сильные духом». Лишь один тезис книги вызывает у меня сомнение: «...крестьяне охотно делились с нами скудными своими запасами. Целые деревни собирали для нас продукты – хлеб, овощи». Так ли это было? Не слишком ли розовую картинку создает командир, а затем и писатель?

Зато все – от Четвертого управления до Генштаба признавали: именно Медведев начал первым проводить боевые операции силами нескольких отрядов, что быстро превратилось в стратегию всего партизанского движения. Иногда по согласованию с командованием Красной армии проводились масштабные операции. Так, еще в разгар немецкого наступления на Москву четыре отряда разрушили железнодорожные ветки, на которых скопилось три десятка эшелонов, а наша бомбардировочная авиация точно в оговоренный час одним налетом эти эшелоны вдребезги разбила.

Капитан госбезопасности Медведев докладывал Судоплатову: оккупанты жалости не знают, карательные меры следуют незамедлительно, не надо представлять врагов идио-

тами. Режим противодействия следовало тщательно продумать. Зброшенным в фашистский тыл разведчикам – одиначкам и небольшим разведгруппам – выполнять свои задачи в таких условиях было сложно. И Медведев предложил, чтобы разведка действовала на базе крупных партизанских отрядов, управляемых из Москвы.

Случалось, донесения групп Медведева доходили даже до Сталина. С ними знакомились начальник Генерального штаба маршал Шапошников, Жуков. Первый свой орден Ленина из четырех Медведев получил за действия отряда «Митя».

Дважды за это время Медведева ранили. Один раз 21 сентября 1941 года – в коленную чашечку, и печальный исход был тогда уж совсем близко. Но верный адъютант вынес из боя и тащил своего командира несколько километров. Такое мог сделать только человек огромной воли и физической силы. И того и другого было в достатке у абсолютного чемпиона СССР по боксу, тоже легендарного Николая Федоровича Королева.

За первым отрядом последовал второй – «Победители». Его бойцов сбрасывали в немецкий тыл отдельными группами на парашютах и не всегда удачно. Начало было обескураживающим. Погибли в бою 12 десантников, в том числе любимец Медведева лейтенант госбезопасности Александр Творогов, воевавший с ним в отряде «Митя». Другая группа нашла приют в сторожке лесника, но тот собирался ее вы-

дать. Спасла бойцов бдительность. С предателем поступили по законам военного времени – расстреляли.

Медведев не был мягким, уступчивым человеком. Отрядом «Победители» он командовал железной рукой. Расслабляться, прощать даже мелкие прегрешения было нельзя. Между собой партизаны называли Дмитрия Николаевича железным полковником, его побаивались. Командиры отряда носили и в немецком тылу знаки различия, бойцы – звездочки, как в армии.

Медведев берег людей. Если вступал в бой, то бил наверняка. Эту тактику было трудно объяснить тем, кто присоединился к «Победителям». Не подозревая об истинном назначении отряда, многие из них роптали. И командиру, чутко улавливавшему настроение партизан, приходилось идти на стычки с немцами.

Разведчикам, работавшим в Ровно и в других городах, категорически запрещалось сотрудничать с любыми другими подпольными организациями, которые не были связаны с отрядом. При малейшей опасности в городе разведчики выводились из-под угрозы. Ни одна радиограмма не отправлялась из самого отряда. Радистки уходили от его стоянки на много километров под охраной автоматчиков. Отправлявшиеся в город разведчики оставляли свою одежду, оружие, документы на «маяках» – надежных партизанских точках в нескольких километрах от Ровно.

Отряд «Победители» под командованием Медведева уни-

чтожил более 12 тысяч немецких солдат и офицеров, в том числе 11 генералов.

Последним своим боем Медведев командовал весь израненный, сидя на стуле. По свидетельству других источников – лежа в повозке. Команды передавал через нескольких связных.

Неожиданно Медведева отозвали на Большую землю. Он не мог понять, как там узнали о его болезнях. Через несколько лет Дмитрию Николаевичу призналась его радистка – Лида Шерстнёва. Это она единственный раз нарушила приказ командира, передала в Центр радиogramму о мучивших его ранах.

В Москве Медведева немедленно поместили в госпиталь. Раны подлечили. Но выяснилось, что у него поврежден позвоночник. Это означало, что Медведев, человек солидного веса и роста, не сможет прыгать с парашютом. Но Дмитрий Николаевич прыгал.

Новая его командировка состоялась уже после освобождения нашей страны от немецко-фашистских захватчиков. Медведев уезжал в Литву на несколько недель, а пришлось пробыть там около полугода. Националистическое движение в Прибалтике предполагалось подавить быстро, лихим наскоком. Но Дмитрий Николаевич сразу понял, что здесь это не получится. Пришлось обратиться к опыту борьбы с Бандерой и Мельником. Немало литовцев поддерживали националистов: кто сознательно, кто под страхом смерти. Тех, кто

сочувствовал Советам, националисты убивали.

Медведев вступил в борьбу с бандой Мисюнаса по прозвищу Зеленый черт, который считался абсолютно неуловимым. Гестаповец Мисюнас стремился подчинить себе целые районы – отдаленные, лесные. Там без верных людей и проводников отрядам Красной армии делать было нечего.

Дмитрий Медведев вернулся к прежней чекистской практике – стал налаживать отношения с местным населением, внедрять в окружение Мисюнаса своих людей. Постепенно радисты Медведева засекли все передатчики Зеленого черта. Его банды несли потери, и он уходил далеко в леса. И, как в прежние боевые времена, Медведев взял бандитов в кольцо. Ему не было резона вступать в бой в лесной чаще. Он один за другим выманивал отряды бандитов поближе к хуторам и там, окружив их, брал в плен, разоружал. Выяснилась и причина неуловимости Мисюнаса. Гестапо оставило ему деньги, фальшивые документы и оружие. Перед отступлением гитлеровцев Зеленый черт установил связи с националистическим подпольем. В его бандах были и немцы – те, которым не было иной дороги, как на эшафот. Его и изготовил для них Дмитрий Медведев.

В 1946-м ему пришлось уйти из органов. Формально причина все та же: полковник Медведев демобилизован по состоянию здоровья.

Может, и к лучшему? Новый министр НКВД Абакумов принялся сажать и расстреливать тех, кто сидел или был в

опале до 1941 года и кого не убили немцы. Переживал Медведев тяжело, однако выдюжил.

Страна зачитывалась его книгами «Это было под Ровно», «Сильные духом». Школьники сбегали с уроков, а студенты с лекций, чтобы послушать медведевские передачи по радио. тогда впервые и прозвучали имена Кузнецова, Приходько, Цессарского.

Медведев написал книгу о винницком подполье «На берегах Южного Буга». И тут началось невероятное. Недобитые бандеровцы подняли грязную волну. Героев Медведева объявили предателями, бандитов же и их прихвостней превозносили. НКВД хранил непонятное молчание. Зато некоторые газеты травлю поддерживали.

Четырнадцатого декабря 1954 года в своей московской квартире в Старопименовском переулке Медведев говорил об этом с боевым другом Валентиной Довгер. Валя вышла на кухню сварить кофе. Вернулась – Медведев был мертв. Сердце не выдержало.

Потом улицу, где жил и умер Медведев, назвали его именем. А недавно опять переименовали. Простите, Дмитрий Николаевич...

Думал я, что ничего нового о Медведеве уже не отыщется. Но повезло. Так бывает нечасто. Иногда по прошествии лет находят меня родственники героев моих книг и фильмов. Не скрою, приятно. Значит, читали, приняли и, преодолев понятное стеснение, решили поведать нечто новое о родите-

лях.

Разыскал меня и Медведев-младший. Договорились о встрече, и когда Виктор Дмитриевич появился в моем кабинете, чувство было такое, будто заглянул в гости сам знаменитый разведчик. Сходство – поразительное.

– Об этом говорят многие, – улыбнулся Виктор Дмитриевич. – Похож. Горько, что отец ушел так рано, в 1954-м, было ему всего-то 55 лет, я родился в 1947-м. Был совсем мальчишкой, но детские годы, общение с отцом запомнились. Папа, уже в отставке, работал дома, а я учился в школе, в двух шагах от дома, и много времени мы проводили вместе. И мама моя, от которой у папы секретов не было, часто о нем рассказывала. Не претендую на роль историка или единственного свидетеля. Пришел к вам, чтобы показать вот эти рисунки. Когда моя мама весной 1968-го уже после ухода отца лежала в госпитале КГБ на Пехотной, подошел к ней интеллигентный немолодой человек. Узнал, что она – вдова Героя Советского Союза Дмитрия Медведева. Оказалось, знаменитый нелегал Рудольф Иванович Абель. Подарил маме четыре миниатюры, вот, видите, на одной даже посвящение «Татьяне Ильиничне Медведевой и сыну Виктору от почитателя Вашего отца и мужа. 25.IV.68. Р. И. Абель». Больше сорока лет прошло, и мамы моей нет, а рисунки храню.

– Вы знаете, они мне знакомы. Вильям Генрихович эти крошечные пейзажи, в основном виды Подмосковья, что недалеко от его дачи, преподносил с дарственными надпи-

сями близким. И почти всегда подписывался не Фишером, а Рудольфом Абелем. Судьба его кое в чем схожа с судьбой вашего отца. Два великолепных профессионала были отстранены от работы в органах. И обоих вернули в начале войны. Вашего отца раньше, Абеля – Фишера – чуть позже.

– Отца попросили из органов осенью 1939-го. Сказали: по состоянию здоровья.

– В те страшные времена могло быть и хуже.

– Отец поселился в Томилине. Там и жил до войны.

– Медведев был человеком справедливым. Мерзостей, что некоторые творили в НКВД, не терпел. Правда ли, что одним из формальных предлогов для отстранения от службы стал арест его брата?

– Давайте начнем с того, что в семье, жившей в Бежице, недалеко от Брянска, было 13 детей. Выжили девять. Четыре брата, пять сестер.

– И все четыре брата работали в ЧК?

– Все четыре. И даже младшая сестра – Екатерина. Старший, Александр, большевик еще с дореволюционным стажем, участвовал в партийных съездах, стал первым председателем

Орловской ЧК. Был репрессирован как якобы участник «рабочей оппозиции». Погиб в лагерях. Пострадали и все остальные братья. Не вернулся из лагерей Михаил – самый младший. Второй брат, Алексей, на год старше папы, тоже сидел, но выжил, возвратился. А отца – попросили «по здо-

ровью».

– И только когда напали немцы, в его судьбу вмешались Берия и Судоплатов.

– Расскажу вам так, как это воспринималось отцом и нашей семьей. Началась война, и папа приехал из Томилина в Москву, пошел к Берии и пробился. Говорил о Денисе Давыдове...

– О том самом гусаре, что командовал партизанскими отрядами в 1812-м, когда Наполеон захватил Москву.

– Были у отца именно такие аналогии. С первых дней войны, в конце июня, понял, к чему всё идет, чем может закончиться. Партизанское движение, действовавшие в тылу противника отряды можно было создавать по примеру тех, что возглавлял Давыдов. И почему бы нам не сделать то же самое. Я об этом герое услышал очень рано. Еще когда мама давала мне читать отцовский дневник.

– Ведение дневников не поощрялось, особенно во время войны.

– Но отец, вернувшийся на службу в июне 1941-го, его вел, писал, возможно, не регулярно. Записи сохранились. Они, по-моему, достояние органов, потому что есть там некоторые такие сведения... Но я сам читал отцовское: «был на приеме у ЛП», «говорил с ЛП». Спрашиваю, это уже потом в 1960-е, в 1970-е даже: что за ЛП? Объяснили – Лаврентий Павлович Берия. Бывал мой отец у ЛП, он пробивал эту идею. Создание отрядов, заброски в тыл врага.

– Считается, что это идея любимца Берии, генерала Павла Судоплатова.

– Отец через Судоплатова и шел. У него с Павлом Анатольевичем были нормальные отношения. Судоплатов, посаженный после расстрела Берии, вернулся, отсидев много лет во Владимирском центральном. Он к нам приходил 14 декабря – это день смерти отца. Когда мама была жива, в нашей квартире, тогда еще в Старопименовском переулке, потом переименованном в честь отца в улицу Медведева, теперь вот снова в Старопименовском, собирались все оставшиеся друзья, близкие. Каждый год, и много народу. Партизаны, чекисты, в том числе и Судоплатов, еще несколько переживших ссылки-лагеря. В 1950-е возвращались знавшие отца. Люди – самые разные. Некоторые говорили на иностранных языках блестяще. Не поверите, но среди них были и изучавшие английский там, в ссылке. Вот такой контингент вернувшихся.

– Вы знаете, мне до сих пор многое непонятно в отношении тогдашних властей к вашему отцу. В 1944-м – присвоение звания Героя Советского Союза, в 1946-м – четвертый орден Ленина, и тут же – отставка. И генерала не дали.

– Остался отец полковником. Что я вам могу тут сказать? Был я мал, но помню, папа переживал. Конечно, не из-за чинов. Но работал, выступал с воспоминаниями. И заметили его. «Там» намекнули, что слог хороший, может быть, что-нибудь напишете? И порекомендовали молодого выпускни-

ка факультета журналистики, чтобы помогал в литературной работе. Это был Анатолий Борисович Гребнев.

– Тесен мир. Очень хорошо мне знакомый человек. Он потом стал одним из лучших сценаристов нашего кино.

– А тогда они вместе написали пьесу «Сильные духом», она и в Москве шла. Союз их творческий продолжился. Гребнев помогал в литературном плане, и когда писалось «Это было под Ровно», и в последующих книгах. Заходили они с женой Галиной к нам в Старопименовский. А с Анатолием Гребневым мы общались до самой его кончины. Он и на свадьбе у меня был.

– Гребнев и его супруга Галина Ноевна, совсем недавно ушедшая, – родители моего школьного друга – сценариста и кинорежиссера Александра Миндадзе.

– Да, тесен мир. Книгу «На берегах Южного Буга» доделывал Гребнев, потому что отец умер, когда она еще не вышла. У папы как раз были большие неприятности из-за винницкого подполья, и книгу по ряду причин не могли издать. Знаете, у меня воспоминания детские, но яркие. Мне шесть лет, в школу еще не пошел. Наша квартира одно время превратилась в общежитие. Я, маленький, вставал рано и буквально переступал через спавших повсюду людей. Это в Виннице начались гонения на членов винницкого же подполья. Времена-то были суровые, 1953 год, и в Москве они, приехавшие с Украины, просто физически выживали. Здесь, и при помощи отца тоже, их как-то сохраняли, отбивали.

– Что же это было?

– Были какие-то непонятные для меня трения между украинскими чекистами и московскими. А люди, рисковавшие в войну в подполье, приезжали спасаться в Москву. Понятно, приходили к отцу. В Виннице, судя по всему, подняли головы бывшие националисты. Сами видите, до чего сегодня дошло. Чтя светлую память отца, я сейчас не хотел бы слишком глубоко в этот вопрос вдаваться. Но многие, кто служили полицаями, кто выпускал винницкую фашистскую газету, вдруг оказались патриотами. И устроили охоту на тех, о подвигах которых отец с таким уважением писал в книге «На берегах

Южного Буга». Да, это была большая война. И «Литературка», которую возглавлял фронтовик Константин Симонов, плохо выступила. Поддержал он ту сторону конфликта. Почему? Я мал был, многого не понимал, всё знаю уже по рассказам. А в нашей большой квартире просто проходной двор был, люди приезжали и жили, потому что в Виннице и в Киеве их бросали в застенки.

– Отец рассказывал вам что-нибудь такое, что не вошло в книги?

– Ну, к примеру, был такой день, который он всегда считал своим вторым днем рождения, когда спасся вопреки всему.

– Может, день, когда его, тяжелораненого, вынес из боя чемпион СССР по боксу Королев?

– Нет. Королев спас его в первом отряде – «Митя». А это

случилось уже во втором отряде «Победители», когда папу ранили. И хотя отмечали всегда как день рождения настоящую дату – 22 августа, о совсем другом дне отец вспоминал часто.

Он всерьез занимался литературным писательским трудом. Сидел, печатал на машинке как раз книгу «На берегах Южного Буга». И я почему-то рано научился читать. Ходил гулять в Пушкинский сквер и видел бегущую строку над одним из зданий. Спрашивал, что за буквы, мне объясняли, и как-то неожиданно прочитал то, что бежит. На меня посмотрели удивленно. Мои успехи в чтении бегущей строки на «Известиях» решил продемонстрировать папе. Он пошел со мной, я начал читать. Очень бодро прочитал первые бегущие буквы «Три кота» и, довольный, обернулся. Папа меня поправил – не «Три кота», а «Трикотаж». Не хватило терпения дождаться последней буквы слова, если и так всё понятно. А что такое трикотаж, я и представить не мог, мне начали объяснять. Все равно ничего не понял.

Отец спросил: кто научил читать? Взрослые, со мной гулявшие, этим не занимались. И я, совсем ребенок, вроде как подчитывал книгу «На берегах Южного Буга», которую давал мне отец. Я еще помню, там есть глава «Волк в овечьей шкуре». Спрашиваю: пап, что это, как понять? Он говорит: такое есть выражение. Объяснял популярно, что это предатель притворяется, прикидывается.

Как-то маленьким гулял во дворе и встрял в какую-то пе-

редрягу: за кого-то заступился, подрался, пострадал, но победил. Мне это показалось по-детски необычайно важным, пришел домой взбудораженный и подробно рассказал папе все перипетии, запросив его оценку. Папа сказал, что, во-первых, я поступил благородно, заступившись за кого-то, а во-вторых, я поступил нехорошо, потребовав за это похвалы. Другими словами, но смысл таков. Я это запомнил на всю жизнь. Очень часто, уже будучи взрослым, встречал людей, которые были благодарны отцу за его помощь. Никто об этом не знал, даже мама. Он мог помочь устроиться на работу, подбросить денег, дать полезный совет. И никогда это не афишировал. Не принято это было у нас дома.

Хотя существовали некие сложности, о которых в семье волей-неволей говорили. Кого-то из знаменитых людей, писавших о партизанах, о подполье, принимали в члены Союза писателей... а отца – нет.

– Непонятно, почему.

– Действительно непонятно.

– Ведь он уже стал профессиональным литератором: «Отряд идет на Восток», «Это было под Ровно», «Сильные духом», «На берегах Южного Буга», пьесы... Многие книги читают и сегодня.

– Есть у него еще одна незаконченная повесть. Должна была по замыслу отца называться «Астроном». Это биография одного винницкого подпольщика, который погиб. И папа взялся исследовать, изучать его жизнь с детства.

– Разведчик, будущий Герой Советского Союза Николай Кузнецов был в отряде у вашего отца. Об обстоятельствах гибели Кузнецова много разговоров.

– Досужих, что может быть так, может и иначе. Долго ведь искали – где, что, куда? Обстоятельства его гибели под вопросом. Отец многое после войны нашел в захваченных немецких архивах.

– Историк разведки Теодор Гладков считает, что ответ всё же может быть найден. Полагает, что немецкие документы попали в руки американцев и сейчас где-то у них пылятся.

– Думаю, в живых нет никого, кто мог бы рассказать. Но кое-что и кое о ком вспомнить можно. Например, вспоминаю одного вашего героя – разведчика, работающего и сейчас на улице Полянке. Дело в том, что в 1972-м мы разменяли нашу квартиру в Старопименовском на две, разъехавшись с мамой. Кстати, в квартиру в Старопименовском вселился известный артист балета и впоследствии хореограф Михаил Лавровский.

– Виктор Дмитриевич, мир не тесен, а мал. Его отец Леонид Лавровский жил с нами не то что в одном доме и подъезде, а этажом ниже, прямо под нами в доме Большого театра на Тверской, тогда улице Горького.

– Так вот, я переехал на Полянку, где теперь станция метро. И у меня создалось впечатление, что в нашем подъезде все, или почти все, были оттуда же, где раньше работал отец. Причем попадались довольно странные экземпляры. Дверь

в дверь напротив жил пожилой вроде бы армянин с женой. Он практически не говорил по-русски и ни с кем не общался. Единственный раз попросил меня помочь, когда его жене стало плохо. Зашел я в квартиру – никакой мебели, одна плохонькая кровать и что-то на кухне. Еще на этаже жил очень немолодой мужчина, немецко-прибалтийского вида, по-русски ну совсем не понимавший. Во всяком случае, за десять лет проживания там я не слышал от него ни одного слова. Жил еще генерал – с ним мы общались даже за пивом в заведении напротив. И судя по другим жильцам подъезда, которые практически не скрывали своей профессиональной принадлежности, всё это были возвратившиеся нелегалы, так и не адаптировавшиеся к нашей жизни. Сколько лет прошло, было бы любопытно узнать: кто это такие.

– Но никогда не узнаем. Вы, судя по всему, по отцовским стопам не пошли?

– Нет.

Герой с трагическим оттенком

Николай Кузнецов

О Николае Кузнецове написаны десятки книг, сняты художественные и документальные фильмы. Соратник легендарного Дмитрия Николаевича Медведева и бесстрашный партизан, советский разведчик, 16 месяцев действовавший под личиной обер-лейтенанта Пауля Вильгельма Зиберта, и бесстрашный исполнитель смертельных приговоров фашистской элите.

Давайте вспомним самые известные и неоспоримые факты. Родился Николай Иванович Кузнецов в 1911 году. По национальности – русский. Стал (пока не уточняем конкретный год) профессиональным разведчиком. В Великую Отечественную войну руководил разведывательно-диверсионной группой в городе Ровно Украинской ССР. Работал под видом офицера вермахта обер-лейтенанта Пауля Зиберта. Группа действовала под командованием командира партизанского отряда «Победители» чекиста Дмитрия Медведева. С 25 августа 1942 года по 8 марта 1944 года Кузнецов совершил ряд акций возмездия. Это он уничтожил палача украинского народа, главного немецкого судью Функа, генерала Кнута, вице-губернатора Галиции Бауэра, вице-губернатора Львова Вехтера и других высокопоставленных фашистских

палачей, похитил и уничтожил начальника так называемых «Восточных войск» генерала Ильгена. Подготовил покушения на гауляйтера Украины Эриха Коха и генерала Даргеля...

Провел целый ряд разведывательных операций, добывал сведения стратегического характера. Именно Кузнецов сообщил о готовящемся в Тегеране во время Конференции лидеров антигитлеровской коалиции покушении немцев во главе с Отто Скорцени на «Большую тройку» – Сталина, Рузвельта и Черчилля. Кузнецов был убит бандеровцами в ночь с 8-го на 9 марта 1944 года. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно в 1944-м, награжден двумя орденами Ленина.

Однако в жизни разведчика Николая Кузнецова многое до сих пор остается под грифом «секретно». Помогал снять этот гриф исследователь и историк разведки Теодор Гладков. Так открывались новые странички в биографии Кузнецова. Теодор Кириллович ушел из жизни, но не все мои записи долгих с ним бесед расшифрованы.

– Теодор Кириллович, вроде бы о Николае Ивановиче Кузнецове известно всё. Но именно в новом, XXI веке о нем пишут и рассказывают столько... К уже сложившемуся и устоявшемуся образу безупречного героя добавляются новые черты. Кузнецова обвиняли чуть ли не в стукачестве: до войны якобы доносил на своих. Он и холодный убийца, и обольститель – чуть ли даже не сводник, подкладывавший

балерин из Большого чужим дипломатам.

– Стоп-стоп... Много трепы, ерунды, домыслов, сознательного искажения. Иногда желание приукрасить. Бывает, что и очернить. Но почему такой огромный интерес к Кузнецову? Наверно, потому, что фигура необычайная, совсем для своих времен нетипичная. И, это уж точно, не только героическая, но и во многом трагичная.

Кем на самом деле был разведчик Кузнецов?

Действительно, есть в биографии Кузнецова кое-что неясное, недосказанное, о чем раньше предпочитали умалчивать. Может, это, до поры скрываемое, и дало повод к пересудам?

– Теодор Кириллович, в до сих пор популярной книге Медведева «Сильные духом» автор мимоходом упоминает, что один из его подчиненных привел к нему Кузнецова в феврале 1942-го. Новый партизанский отряд Медведева как раз готовили к заброске в тыл фашистов, и Николай Иванович, инженер одного уральского завода, был представлен Медведеву как человек, прекрасно владеющий немецким и способный сыграть роль офицера вермахта. Позвольте вопрос прямой: сотрудничал до войны Кузнецов с органами или нет?

– Сотрудничал. Когда партизанский командир Дмитрий Медведев писал книгу «Сильные духом», прославившую и его, и погибшего в 1944-м Кузнецова, он не имел возможно-

сти рассказать о разведчике всю правду. «...Отряд Медведева должен был лететь под Ровно, и к нам пришел московский инженер, сказал, что знает немецкий. А через месяц появился Пауль Зиберт...» – написано в книге. Это – сказка для маленьких детей. Разведчики так не рождаются. Но Медведев, естественно, знавший истинную биографию подчиненного лучше, чем кто-либо другой, был скован секретностью. Не мог, не имел он права написать правду в своей книге и очень по этому поводу сокрушался. На самом деле Кузнецов был с 1930-х годов негласным сотрудником службы госбезопасности, работал на разных предприятиях Урала. А то, что он учился в Индустриальном институте, писал диплом на немецком – чушь. Только годы спустя, в 1970-х, КГБ впервые разрешил написать, да и то одной строкой, что Кузнецов «с 1938 года начинает выполнять особые задания по обеспечению государственной безопасности». Из загадочной и ничего, в сущности, не раскрывающей формулировки следует, что 25 августа 1942 года в немецкий тыл приземлился с парашютом не подготовленный на скорую руку инженер с Урала, рядовой красноармеец Грачев, а достаточно опытный чекист, уже четыре года проработавший в органах. А сравнительно недавно удалось выяснить, что на самом деле к тому времени профессиональный стаж Николая Ивановича исчислялся не четырьмя, а десятью годами.

– Но это же опровергает все расхожие и такие привычные представления о Кузнецове.

– Уже с 10 июня 1932-го Николай Кузнецов – специальный агент окружного отдела ОГПУ Коми-Пермяцкого автономного национального округа. Предложение работать в ОГПУ – НКВД принял потому, что был патриотом, да и отчасти благодаря юношескому романтизму. Кодовый псевдоним – «Кулик». Затем в 1934-м в Свердловске он стал «Ученым», позднее, в 1937-м – «Колонист». В медведевском отряде действовал под именем красноармейца Николая Васильевича Грачева. А, к примеру, в Свердловске, куда летом 1934 года переехал из Кудымкара, значился статистиком в тресте «Свердлес», чертежником Верх-Исетского завода, наконец, расцеховщиком бюро технического контроля конструкторского отдела. На самом деле числился в негласном штате Свердловского управления ОГПУ – НКВД. За четыре года в качестве маршрутного агента исколесил вдоль и поперек весь Урал. В характеристике того периода отмечалось: «Находчив и сообразителен, обладает исключительной способностью завязывать необходимые знакомства и быстро ориентироваться в обстановке. Обладает хорошей памятью».

– С кем же Кузнецов завязывал полезные для ОГПУ знакомства?

– На Уралмаше, на других заводах трудилось в те годы много иностранных инженеров и мастеров, особенно немцев. Собственных-то специалистов не хватало. Одни приехали из Германии еще в 1929-м во время кризиса, чтобы заработать, – платили им в твердой валюте. Другие искрен-

не хотели помочь Стране Советов. А были и откровенные недруги: шеф-монтер фирмы «Борзиг» демонстративно носил перстень со свастикой.

Обаятельный и общительный Кузнецов умел легко сходиться с людьми разными – и по возрасту, и по социальному положению. Встречался с ними на работе и дома, беседовал по-немецки, обменивался книгами, грампластинками. Его сестра Лида, тоже жившая в Свердловске и не имевшая ни малейшего представления об истинной профессии брата, за него переживала: такое общение с иностранцами могло ой как аукнуться ее любимому братишке Нике. Но Николай только посмеивался. О его связи с органами никто из родни так и не догадался – тоже немалое достижение для разведчика. И только 23 августа 1942 года перед заброской в отряд Медведева «Победители» вскользь бросил при прощальной встрече брату Виктору: если не будет о нем долгое время никаких известий, то можно заглянуть на Кузнецкий Мост, там в доме 24 ответят. После войны Виктор Иванович Кузнецов узнал, что это адрес приемной НКВД.

А Николай Кузнецов стремился, словно чувствуя, как сложится его дальнейшая судьба, перенять у немцев стиль поведения. Иногда копировал их манеру одеваться, научился носить хорошо отутюженные костюмы, к которым подбирал по цвету рубашки и галстуки, красовался в мягкой, слегка заломленной шляпе. Стремился быть в курсе новинок немецкой литературы, обращая внимание и на книги научно-тех-

нические, частенько заглядывал в читальный зал библиотеки Индустриального института. Отсюда, кстати, и миф: Кузнецов закончил этот институт и даже защитил диплом на немецком.

– Хорошо, общался молодой сотрудник Кузнецов с иностранцами, сходил с ними. А какой прок от этого чекистам?

– Как какой? Специальный агент Кузнецов без дела не сидел. Представьте тот же Уралмаш – центр советской военной промышленности. Там масса иностранцев, в том числе и немцев. Понятно, были и их разведчики, и завербованные ими агенты. Многие уехали, но завербованные – остались. А Кузнецов сообщал о настроениях, выявлял агентов. Тут и наводка, и вербовка, и проверка, и установка...

Работал Кузнецов и по сельскому хозяйству: в район, где он трудился в Коми, ссылали кулаков. Конечно, многих в кулаки записывали понапрасну. Но были и кулацкие восстания, и убийства активистов, селькоров, настоящее, а не липовое вредительство. Так что таксатор Кузнецов получил право ношения оружия. Не только винтовки, как все лесники. Был у него наган. Человек уходил в лес, а там убивали почтальонов, таксаторов, тех, кто представлял власть.

– Но как же Кузнецов оказался в Москве? Кто конкретно его рекомендовал?

– Сложная история. Отыскал его в Коми новый нарком НКВД, бывший партийный работник Михаил Иванович Жу-

равлев. Отправил его на укрепление чекистских рядов, а сам быстро дослужился до главы республиканского министерства. Звонит он в Москву в Управление контрразведки и докладывает своему учителю Леониду Райхману...

– Тому самому, которого обвиняли в пособничестве Берии?..

– Я отвечаю на ваш вопрос о Кузнецове, не вдаваясь в подробности биографии генерал-лейтенанта НКВД Райхмана, кстати, одного из бывших мужей знаменитой балерины Ольги Васильевны Лепешинской. (Был он вторым и не последним мужем балерины. Арестован, осужден, реабилитирован, но к супруге после тюрьмы не вернулся. – *Н. Д.*) Журавлев докладывает: «У меня тут есть парень фантастических актерских и лингвистических способностей. Говорит на нескольких диалектах немецкого, на польском, а здесь выучил коми, да так, что стихи на этом сложнейшем языке пишет». А у Райхмана как раз находился кто-то из его нелегалов, приехавших из Германии. Соединил с ним по телефону Кузнецова, поговорили, и нелегал не понял: спрашивает у Райхмана, это что, звонили из Берлина? Назначили Кузнецову встречу в Москве. Так и попал в столицу... Но на Лубянке Кузнецов ни одного раза в своей жизни не появлялся.

– Боялись пускать?

– Таких агентов было немного. Их не светили никогда. Могли сфотографировать человека, входящего в здание, и конец работе. Первая встреча, как бы по традиции, около па-

мятника первопечатнику Федорову. Потом на конспиративных квартирах, в Парке культуры и в саду имени Баумана. Дали ему жилье на улице Карла Маркса в доме 20 – это Старая Басманная. Квартира напичкана разной техникой. Все интересные Лубянку разговоры записывались.

Ловля на живца

– Его поселили под именем Рудольфа Вильгельмовича Шмидта, немца по национальности, 1912 года рождения. На самом деле Кузнецов, напомним, родился годом раньше. Выдавал себя за инженера-испытателя Ильюшинского завода и появлялся в форме старшего лейтенанта ВВС Красной армии.

– Но почему именно старшего лейтенанта?

– Кузнецов сообразил, что его возраст 29–30 лет – как раз для лейтенанта. Легенда для чужих: работает в Филях, на заводе, где выпускают самолеты.

– Удивительно, что на лейтенанта Шмидта так клюнули.

– Удачно придумано – Рудольф Шмидт, то бишь, в переводе на русский Кузнецов. Говорит по-немецки, родился в Германии, когда ему было два года, родители поселились в СССР, где мальчик и вырос. Задним числом Кузнецову выдали паспорт на эту фамилию и «белый билет», чтобы не таскали по военкоматам. На такую заманчивую приманку сложно не клюнуть любой разведке. К тому же командир Красной

армии по виду – истинный ариец. И какая выправка. Теперь часто публикуют фото Николая Кузнецова тех времен: он в летном костюме. Но вот что интересно или даже характерно. Той летной формы с тремя кубарями старшего лейтенанта ему никто не выдавал. Он рассказывал Райхману, что сам ее достал, придумал легенду и по ней действовал. Ни в какой армии никогда не служил и воинского звания не имел. Но как по-немецки подтянут, по-европейски элегантен. Теперь-то мы знаем: в собственной стране Кузнецов находился на нелегальном положении.

– Но звание могли бы присвоить.

– Ни звания, ни удостоверения. А при поступлении на работу, почти всегда фиктивную, он писал в анкетах, что от службы в армии освобожден по болезни. А был абсолютно здоров. Правда, когда проходил тщательнейший медосмотр перед отправкой в отряд Медведева, выявили у него дефект зрения. Но незначительный, оперативной работе не мешающий. И еще Кузнецов всегда писал, что языков не знает. И вот что любопытно: если приходилось, то мог выдать себя и за иностранца, плохо говорящего по-русски. Несколько раз потребовалось и такое.

– Где же он работал или хотя бы к чему был приписан?

– В Москве состоял негласно в штате, получал жалование непосредственно в первом отделе – немецком, созданном в 1940 году. У Николая Кузнецова даже должность была единственная в советской спецслужбе: особо засекреченный

спецагент НКВД с окладом содержания по ставке кадрового оперуполномоченного центрального аппарата. И окладом довольно большим. Все видели, что он активно общается с иностранцами. Было столько доносов. Куча доносов! Читал я их. Ну, скажу я вам, и писали. Самый активный – сосед по его коммунальной квартире: иностранцев водит и вообще.

– Догадываюсь, доносы попадали в одно и то же место.

– Должны были бы, по идее. Но из-за некоторой неразберихи взяла Кузнецова в разработку и наша контрразведка, установила за ним слежку. Даже клички ему давали: одна – «Атлет» за мускулистую фигуру, другая – «Франт» за элегантность в одежде. Я видел эти доносы, подписанные двумя разными людьми из наружки – «Кэт» и «Надежда».

– Наверно, стучали те же женщины, которых он и использовал.

– Совсем не обязательно. Женскими именами прикрывались и агенты – мужчины. Но Кузнецова могли рано или поздно взять.

– Разве начальники из разведки не предупреждали о нем своих коллег?

– Никогда. Это было бы для него еще опаснее. Разведчик не имел права назвать свои связи даже соседу по кабинету. Но попали сводки о поведении Руди Шмидта на стол наркому НКГБ Меркулову. И тот оказался перед дилеммой – арестовывать собственного спецагента или отдать приказ наружке на «Атлета» не реагировать. Раскрытие агента в пла-

ны ГБ не входило. И Меркулов нашел верное решение, начертав на служебке: «Обратить внимание на Шмидта». Что на понятном для контрразведки языке означало: не трогать, не арестовывать, бесед не проводить, но наблюдение продолжать. Так что Кузнецов был кошкой, которая гуляла сама по себе. Иначе – опасно. Могли, вполне могли прихватить. Так, известного в определенных сферах Ковальского, который завербовал в Париже генерала Скоблина, свои же и расстреляли. Хотя и говорил, клялся им, кто он. Было это на Украине, а его искал Центр, утративший с ним связь. Кузнецов же из-под наблюдений уходил. Делал свое дело. Вербовал немцев. Добывал секретные документы. Его задача в контрразведке была в том, чтобы на него клюнули иностранцы, в первую очередь агенты немецкой разведки. И генерал Райхман подтверждал: «Мы его ничему не учили». А Кузнецов купил фотоаппарат и быстренько переснимал передаваемые ему агентами документы – сам научился фотографировать. И вождение машины тоже освоил сам. Тут было не до учебы в какой-нибудь разведшколе: к тому времени Кузнецова дважды исключали из комсомола. Сначала за то, что его отец якобы кулак да еще из бывших. Вранье. Была у Кузнецова и судимость. А еще через несколько лет, когда уже трудился в органах, новый арест. Не до высшего образования – не дали ему даже техникум закончить.

– Про арест давайте чуть позже. Но как он в свои молодые годы умудрился заработать судимость?

– Когда его как «сына кулака» выгнали из комсомола, то и из техникума отчислили за семестр до окончания. До конца учебы оставалось всего ничего, а ему дали лишь справку, что прослушал курсы. И девятнадцатилетний Кузнецов от греха подальше рванул по совету своего товарища в Коми-Пермяцкий округ. Куда уж дальше. Служил там лесничим, а кто-то из его прямого начальства проворовался. Кузнецов об этом сам и сообщил в милицию. А ему – за компанию – дали год условно и снова исключили из комсомола.

– Для будущего работника органов биография не самая подходящая. Прав я или нет: на той первой судимости его органы и прихватили, завербовали?

– Так обычно и бывает. А с Кузнецовым, к моему удивлению, история несколько иная. Однажды в Коми Кузнецов лихо отбилсЯ от напавших на него бандитов. И попал в поле зрения оперуполномоченного Овчинникова. Коми-пермяк по национальности, тот вдруг обнаружил, что недавно приехавший сюда молодой русский не только храбр и силен, но и говорит, причем свободно, на его родном языке. Это Овчинников завербовал Кузнецова, быстро поняв, что случайно попал на самородка... А потом в Коми Михаил Иванович Журавлев нашел силы, оторвал такой талант от себя, отдал москвичам. А мог бы Кузнецов до конца дней трудиться в своем далеке.

– Почему же он так и не прошел курс обучения чекистским премудростям?

– Райхман опасался, что при поступлении в чекистскую школу кадровики пошлют Кузнецова не на экзамены, а на посадку. А работать надо было сегодня. Ведь в пакт Молотова-Риббентропа разведчики не верили. Райхман со товарищи даже написали об этом рапорт. Но Меркулов, их тогдашний шеф, бумагу разорвал с напутствием: «Наверху этого не любят...» Москву наводнила немецкая агентура. Запустили очень хитрую комбинацию, и на Кузнецова вышли определенные круги. И поехало. Удалось перехватить двух дипкурьеров. Кузнецов сумел вскоре скомпрометировать и завербовать некоего Крно – дипломата, фактически замещавшего посланника Словакии. Тот провозил по дипломатическим каналам целые партии контрабандных часов, часть выручки от их продажи шла вроде бы на плату агентуре, а на самом деле все оседало в карманах Крно – такой был жадюга.

Кстати, часов, конфискованных разведкой, было столько, что сотрудникам наших органов госбезопасности разрешили покупать их по себестоимости. И те покупали.

А Кузнецов крепко жал на Крно, и информация от него, пропадавшего в немецком посольстве днями и ночами, пошла ценнейшая.

Затем благодаря Кузнецову нашли подходы к военно-морскому и военному атташе Германии. Да, он умел обаять людей. Вот германская делегация посещает ЗИС – знаменитый автозавод. И Рудольф Шмидт знакомится с членом делегации, который в свою очередь представляет добродушно-

го Руди своей спутнице. Дама красива, ухаживания русско-го офицера ей приятны. Происходит сближение. А разведка получает возможность регулярно читать документы из посольства Германии, где красавица работает на незаметной, но важной чисто технической должности, через которую автоматически проходят многие секретные документы. Ухитрился Кузнецов расположить к себе и камердинера немецкого посла, и его жену.

– Не совсем понятно.

– В его жизни непонятного немало. А перед войной благодаря Кузнецову проникли в резиденцию посла в Теплом переулке. Вскрывались сейфы, снимались копии с документов, и немецкая агентурная сеть попала в руки сотрудников Лубянки. А камердинер немецкого посла, считавший Кузнецова настоящим арийцем, фашистом, подарил ему под последнее предвоенное Рождество значок наци, книгу «Майн Кампф» и пообещал после окончания войны оформить членство в нацистской партии.

Разведен, детей нет

– Немало судачат о том, что Кузнецов часто использовал в своей работе прекрасных дам. Простите за грубость, будто бы подкладывал балерин и прочих художниц в постель к иностранцам. Называли даже имя одной народной артистки, да и других знаменитостей тоже.

– Было, но, конечно, не в тех гипертрофированных размерах, о которых болтают. Кузнецов был человек красивый, успехом у женщин пользовался. В том числе и у тех, у которых кроме него были и богатенькие поклонники, не только советские. Зарплата у балерин не очень большая, а иностранец и чулочки привезет, и тушь из Парижа, и еще что-то подкинет. Так что Кузнецов никому никого не подкладывал. Прекрасные дамы и без него свое дело знали. Да, среди балерин были и его источники, много чего Кузнецову рассказывавшие.

Случился у него и серьезный роман с дамой-художницей. Было ей тогда под тридцать, жила в роскошных апартаментах рядом с Петровским пассажем. Салон, богема – между прочим, в той квартире Кузнецов познакомился с актером Михаилом Жаровым. А Кузнецов, по-моему, серьезно влюбился в эту светскую львицу с дворянской фамилией – Ксану Оболенскую. Известен он ей был как Руди Шмидт. Начало 1940-х, и пакт – не пакт, отношение к немцам уже настороженное, за близкие связи с ними могли и наказать. Потихонечку немцев начали прижимать, из Москвы выселять, а Республика немцев Поволжья и вовсе обезлюдела, перевезли ее жителей в казахстанские степи. И Ксана, чтобы не дай бог ничего с ней самой не случилось, свою любовь, говоря по-современному, взяла и кинула. Кузнецов же страдал. Уже когда был за линией фронта в партизанском отряде, доползли до него смутные слухи о замужестве Ксаны. Попросил Медве-

дева в январе 1944-го перед уходом во Львов: если погибну, обязательно Расскажи обо мне правду Ксане, объясни, кем я был. И Медведев, уже Герой Советского Союза, отыскал еще во время войны, в 1944-м, в Москве эту самую Ксану Оболенскую, выполнил волю друга, рассказал о Герое, ее до конца дней любившем.

– И последовала сцена раскаяния?

– Ничего похожего. Полное равнодушие и безразличие. Медведев, человек искренний, тонкий, за своего погибшего разведчика переживал.

– Может, Ксана ревновала? Приходилось же Кузнецову спать с другими женщинами.

– В оперативных целях. Пришлось благословлять Николая на эти романы. В результате была получена ценнейшая информация. А Ксана оказалась на редкость бездушна.

– Так обидно за Николая Ивановича. Я не знал, что такая у него приключилась любовь. А правда ли, что был Кузнецов когда-то в молодости женат?

– Чистая правда. 4 декабря 1930 года состоялась свадьба, и, бац, уже 4 марта 1931-го – развод. Не сложилась личная жизнь, и никогда уже не понять, почему. Так это и осталось между двумя людьми, судя по всему, в начале совместной жизни любившими друг друга. Бывшая его жена Елена Чуева оказалась женщиной исключительно благородной, достойной. Выпускница медицинского института, воевала, спасала раненых и закончила войну в звании майора. Демобилизова-

лась после победы над Японией. И, знаете, никогда и никому не хвасталась, мол, я – жена героя, и ничего не просила.

– Пошли какие-то разговоры о детях. Конкретнее – о дочери.

– Детей не было. Слухи о дочери действительно поползли и их проверили. У Кузнецова был лишь племянник.

Шпионы к нам летали пачками

– Кузнецов начал работать в Москве как разведчик в сложное предвоенное время.

– Да, и приходилось ему общаться с людьми разными.

Сделался завсегдатаем в знаменитом тогда ювелирном комиссионном магазине в Столешниковом переулке. Заводил там знакомства и с народом благородным, и с нечистым. В артистическом мире знал многих. Был момент, когда, чтобы легализовать Кузнецова, его даже хотели сделать администратором Большого театра. Но побоялись привлечь к нему слишком большое внимание.

Наибольшую активность немцы проявляли в 1940 и 1941 годах. В ту пору немецкая разведка развернула в СССР прямо-таки бешеную деятельность. Вот кто выжал из пакта Молотова-Риббентропа всё, что только можно. Какие делегации к нам зачастили! Ну, где такое бывало – человек по двести. И постоянная смена сотрудников – кто работал месяц-три, а кто нагрянул на день-два, выполнил задание

и был таков.

– Но пишут об этом мало.

– Не самые удачные времена. О них и вспоминать не тянет. Огромный десант немцев был на ЗИЛе, множество торговых делегаций. Пойди уследи. Труднейшие для наших спецслужб годы. Бывало, что среди махровых шпионов вдруг появлялись в Москве и наши агенты, например Харнак, который вошел в историю как один из руководителей «Красной капеллы». Или наладили воздушное сообщение, полетела в Москву из Берлина и Кёнигсберга с посадками в наших городах их «Люфтганза». А вместо девочек – стюардесс в передничках – только brave ребята – стюарды с отличной выправкой. Но и они менялись: два-три рейса, и другая команда. Так изучали маршруты немецкие штурманы из люфтваффе.

– Но я читал в мемуарах фашистских разведчиков, что постоянных немецких шпионов в Москве было мало. И потому в Берлине пользовались любым шансом, чтобы хоть на время заслать своих. А что наши? До Берлина добирались?

– Наши тоже туда летали. Но маленькими группами. Пока НКВД решит, кому можно лететь, кого выпустят...

– Я бы хотел вас спросить о запутанной истории с советским летчиком Алексеевым, загадочно погибшим при испытаниях новой модели самолета.

– Была такая немецкая эскадрилья под командованием мирового аса Теодора Ровеля, еще при его жизни названная

именем командира. И на недоступных для летчиков других стран высотах совершала она облеты всех стран, на которых впоследствии напал Гитлер.

— В немецких источниках о ней пишут скромно. Летали на огромных высотах, фотографировали. И всё. Кто летал? Куда? Что за эскадрилья Ровеля? Сначала Гитлер вроде бы приказал ей не нарушать границы СССР, чтобы не навести на мысли о несоблюдении пакта. Потом, ближе к лету 1941-го все прежние ограничения снял. Если верить слухам, которые так и хочется назвать нелепыми, то эскадрилья Ровеля долетала чуть ли не до Москвы. Прямо юный авиатор Руст.

— Да, есть еще над чем поработать нашим исследователям, в том числе и историкам разведки. И действительно существуют сделанные пилотами Ровеля фотоснимки Ленинграда. Но вот появился наш летчик Михаил Алексеев и на экспериментальных моторах истребителя И-16 стал подниматься на высоты, близкие к немецким. И вдруг в одном из полетов погиб. Тут к инженеру-испытателю старшему лейтенанту Рудольфу Шмидту начали подкатываться не немцы, а японцы и живо интересоваться судьбой Алексеева. Ведь Шмидт по легенде работал в Филях, на заводе, построенном немцами. Их теперь здесь нет, но, кто знает, возможно, и оставили после себя агентов или людей, им чем-то обязанных? По всем признакам через любопытных японцев действовали осторожные немцы. Кузнецов сообщил начальству о возникшем интересе, выдал японцам полуправдивую и устро-

ившую их версию. Правда, может, завысил потолок, которого достигал Алексеев. Однако что произошло на самом деле с Алексеевым, как он погиб, неизвестно.

Лингвист от матери-природы

— Теодор Кириллович, а что это за путаница с именами Кузнецова? Существует миф, будто придя в разведку, он получил новое имя.

— А вот это не совсем миф, только НКВД здесь ни при чем. Кузнецов родился 27 июля 1911 года в деревне Зырянка Камышловского уезда Пермской губернии. При рождении был наречен Никанором, по-домашнему — Ника. Имя Никанор парню не нравилось, и в 1931 году он сменил его на Николая. Но какая-то путаница, разночтения действительно оставались. Друг юности Кузнецова Федор Белоусов рассказывал мне, что когда родные и однокашники Николая Ивановича узнали о присвоении звания Героя Советского Союза некому Николаю Кузнецову, то думали, речь идет об однофамильце. Даже сестра Лидия и брат Виктор долгое время оставались в неведении. Полагали, будто он пропал без вести. Ведь точного подтверждения его гибели не было: даже в указе не писали, что «посмертно». Все-таки оставались несмотря ни на что какие-то слабые надежды, что разведчик отыщется. И в Москве истинная биография Кузнецова была настолько засекреченной, что Грамота Президиума Верховного Совета

о присвоении ему звания Героя так и осталась неврученной его родным. В конце войны она вообще затерялась, и только в 1965 году изготовили ее дубликат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.